Субботнее утро практически ничем не отличалось от отстальных дней, за исключением того, что я наконец-то вышел на пробежку на улицу. Добежав до школы, позанимался на ее заднем дворе на турниках, где был, кстати, не один: там занимались две девушки лет двадцати, которые уделили мне только один мимолетный взгляд и дальше продолжили заниматься на брусьях. Если честно говорить, то и я не особо вглядывался, у меня в голове сейчас все мысли о сегодняшнем концерте.

Перебирая все дни репетиций в уме, я все же сделал вывод, что за столь короткое время сделал многое и вряд ли мог сделать что-то еще, также радовался прогрессу друзей и сделал себе зарубку на память: как их увижу сегодня, начну подбадривать, ведь даже меня немного потряхивает от нервов, а что говорить про них. Женя меня тоже очень порадовала на последней ее репетиции, она прекрасна исполнила свою песню, а также прекрасно подпевала Анофриеву и Хилю. Для нее этот концерт фактически дебют, и дебют, который сделает ее очень популярной певицей в СССР, в этом я не сомневаюсь ни секунды, все данные для этого есть: внешность, голос и репертуар.

Я даже не заметил, как на автомате вернулся домой, очнулся, уже поворачивая ключ в замке квартиры. Проходя мимо кухни, увидел, что бабушка уже встала и готовит завтрак. Помывшись, прошел на кухню, бабушка сидела за столом и внимательно смотрела на меня.

— Волнуешься? — пыталась при этом разглядеть признаки этого волнения у меня.

— Немного, — при этом попытался приободрить бабушку своей улыбкой, да, именно ее, а не себя; она волновалась намного больше, чем я. — Все же в отличие от концерта на двадцать третье февраля тут все песни мои, и они совсем другого формата. Но я все равно уверен, что все будет хорошо.

— Сашка, какой ты у меня стал взрослый, — бабушка встала, обошла стол, встав сзади меня, обхватила ладошками мою голову и тихонько поцеловала в макушку. — Я тоже верю, что все у тебя будет хорошо.

— Спасибо, — также тихо ответил.

Прекрасные блинчики с творогом подняли мое настроение, а сытый желудок, наполненный прекрасными блюдами от бабушки, окончательно меня успокоил.

***

Концерт будет в пять, я должен там появиться к трем, что я и сделал, бабушка же придет, как все зрители, ей место забронировано во втором ряду сзади Фурцевой.

— Сашка, — услышал я крик Олега, стоило только войти в здание.

Оба моих друга были уже на месте.

— Привет, — поздоровался и пожал руки обоим друзьям, — ну как, готовы?

— Страшно немного, Саш, — сказал Виталик, Олег же только кивком подтвердил согласие с другом.

Я оглянулся по сторонам, ища что-нибудь, что может подбодрить друзей, но кругом были только люди, которые наводили последний лоск перед концертом. Дверь в зал была открыта, и в самом конце его я увидел на сцене шикарный белый рояль, идея родилась сама собой. Все это время друзья смотрели на меня, видели мой метающийся взгляд, что совсем не добавляло им уверенности, и тут их друг замер, и на его щеках расплылась улыбка.

— За мной, — я быстрым шагом зашел в зал, дошел до сцены и просто забрался на нее, не используя ступени; друзья шокированно смотрели на меня. — Парни, разве не об этом мы с Вами мечтали? Оглянитесь!

Голос мой с каждым словом набирал громкость, ребята оглянулись, но все еще не могли понять, что я им хочу сказать.

— Мы с Вами, каждый раз репетируя в гараже, разве не говорили, как бы было замечательно выступить перед одноклассниками, а потом и перед всем городом, — друзья все также неуверенно потупили взгляд, будто бы стесняясь своих желаний. — Так вот, нас услышит не только город, нас услышит вся страна.

— Саша, тише ты, кругом люди, — Олег аж покраснел от того, что его друг не стеснялся людей, которые были в зале, а их было довольно много: уборщики ходившие между рядами, администраторы, которые осматривали зал последним взглядом, не дай бог, что-то не в порядке, музыканты из ансамбля Александрова, которые, входя в зал, махали ребятам руками; и все они замерли, внимательно слушая странного подростка, столь зажигательно говорящего.

***

Тихон Хренников

Сегодня я, по просьбе Фурцевой и Бориса Александрова, приехал в дом советов на концерт, посвященный Восьмому марта. Они попросили прислушаться к двум песням, которые сочинил якобы молодым человеком. Жена должна будет подъехать к началу концерта, а я выехал пораньше, совместно с Александровым, и уже на месте встретился с Фурцевой и представителем ЦК.

Я ходил вместе с ними, пока они проверяли готовность, все же хоть это и просто концерт, но сегодня на нем будут присутствовать гости из Франции прибывшие на переговоры с нашим руководством. И мне самому было интересно, что за концерт получиться, слишком уж хвалили его Фурцева с Борисом, да и говорят, Николай Николаевич Месяцев также симпатизирует юноше, ради которого меня сюда позвали; и уже около выхода на сцену мы услышали звонкий мальчишеский голос:

— Парни, разве не об этом мы с вами мечтали? Оглянитесь!

Все, с кем я был, замерли. Фурцева даже немного напряглась, а вот на лице Бориса расплылась улыбка довольного человека, я немного удивился такой реакции. Представитель ЦК хотел уже возмущенно выйти на сцену, но мне хотелось послушать, что будет дальше.

— Сергей Федорович, подождите, — я придержал его за руку, сам же тихо приоткрыл дверь на сцену, где мы все увидели юношу на вид лет восемнадцати, который расставил руки, показывая как бы на зал, предлагая ребятам его осмотреть, — давайте послушаем. Это ведь тот молодой человек, ради которого вы меня сюда позвали, Екатерина Алексеевна?

— Да, это он, — ответил правда Александров, а Фурцева только кивнула.

А тем временем голос молодого человека с каждым словом набирал громкость, ребята оглянулись, но выглядели немного напуганно.

— Мы с вами, каждый раз репетируя в гараже, разве не говорили, как бы было замечательно выступить перед одноклассниками, а потом и перед всем городом, — молодой человек абсолютно не стеснялся говорить громко. — Так вот, нас услышит не только город, нас услышит вся страна.

— Саша, тише ты, кругом люди, — заговорил худенький мальчик, которому не дашь больше пятнадцати, и аж покраснел, а людей в зале действительно было довольно много: уборщики, администраторы, музыканты из ансамбля Бориса, которые, входя в зал через другую дверь, махали ребятам руками; и все они замерли, внимательно слушая странного подростка, столь зажигательно говорящего.

— Вы думаете, я не волнуюсь? Волнуюсь еще как, но я при этом еще знаю, что мы с вами усердно репетировали, и мы готовы выступить на этой сцене, где выступало много величайших людей нашей страны, и мы точно не подведем тех людей, кто нам дал этот шанс, — юноша в этот момент был настолько зажигателен, что его слова врывались прямо в душу. Я бы его в этот момент ни в коем случае не назвал ребенком, даже Сергей Федорович смотрел на него с каким-то горящим взглядом — как бы не увели музыканта патрийные работники, ведь пропагандировать и заводить толпу тоже надо уметь. А молодой человек продолжал свою речь. — И знаете, у меня давно в голове зреет одна мелодия, и я ее все никак не мог закончить, а вот выйдя на эту сцену, посмотрев на вас, посмотрев на все вокруг, я понял, что у нас сегодня практически бой, в котором мы победим обязательно. Эту мелодию я назову Виктория.

Юноша быстрым и твердым шагом подошел к роялю, который освободил музыкант из оркестра, увидев, что именно к нему идёт парень.

(Victory Two Steps from Hell https://youtu.be/UC1E16nTTxE)

Мелодия, которая полилась по залу, завораживала, перед глазами как будто действительно шел бой: стремительная конница врывалась в ряды врагов, сея панику, пехота стройными

рядами шла следом за конницей, впереди знаменосец; а музыка все усиливалась, и вместе с этим вновь зазвучал юношеский голос:

— Гайдар почти в нашем возрасте командовал полком, он не побоялся взять на себя такую ответственность. Мы поколение, которое выросло на примере отцов, которые, не боясь ничего, шли в бой, разве мы сейчас можем испугаться и пойти на попятную, — музыка уже набрала полную мощь и вдруг резко стихла, и под тихие последние ноты также тихо, но твердо зазвучало: — Нет, мы сделаем все и победим.

Посмотрев на ребят, ради которых была вся эта сцена, я понял — они сделают все, в глазах столько уверенности, а еще главное — веры в своего друга и лидера. На глазах Фурцевой мелькнули слезы, отвернувшись и вытерев глаза, она посмотрела на юношу, потом перевела взгляд на меня, столько гордости было в ее взгляде. Сергей Федорович также был настроен решительно, его слова только подтвердили это:

— Вот что надо было пустить по телевидению, вот такие слова должны звучать из уст наших юных комсомольцев.

***

— Прекрасная речь, молодой человек, — раздался голос позади меня, обернувшись, я увидел, как на сцену входят Фурцева, Александров, незнакомый мужчина, но все в нем говорило о его принадлежности к аппарату ЦК, и, главное, был четвертый, в ком я сразу узнал бессменого лидера союза композиторов: Тихон Николаевич Хренников, человек, у которого должно сложиться обо мне, всеми моими стараниями, хорошее мнение, и я сделаю все для этого, — и прекрасная композиция. Я правильно понял, фактически только что вы ее закончили?

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался с вошедшими, при этом даже немного склонил голову в знак уважения, все же это были люди достойные его, — я очень рад, что вы оценили мою работу, Тихон Николаевич, и, да, финал этой композиции я придумал сейчас, сама обстановка способствовала этому.

— Что же, если все мелодии будут такими же как эта, то я рад, что послушался Александрова и смог вырваться на сегодняшний концерт, — при этом он улыбнулся мне.

— Нет, боюсь, я Вас расстрою, все такими не будут. Все же концерт для широких масс и к тому же посвящен Восьмому марта. Боюсь, наши прекрасные половины не поймут того, что все песни не будут касаться этого события, — при этом я натянул на себя немного плутоватую улыбку.

Мужчины рассмеялись, а Фурцева даже в шутку пригрозила пальцем.

— Но я очень надеюсь, что пара композиций вам понравятся, — сказал уже более серьезно.

— Ну что же, послушаем, а сейчас, я думаю, стоит отпустить молодого человека, так как скоро начнут приходить зрители, — последние слова он уже говорил своим спутникам, на что те просто кивнули.

Я решил, что и правда стоит уйти со сцены, тем более я обратил внимание, что из прохода на сцену меня подзывала женщина.

— Александр, и вы, молодые люди, пойдемте, я покажу вашу гримерку, где вы можете пока отдохнуть и переодеться, вам выделили одно помещение на троих, — и женщина нас повела по техническому коридору и остановилась перед одной из дверей, открыв ее, она отошла, пропуская нас внутрь. — Когда наступит время вашего выступления, вас предупредят.

Женщина ушла, я огляделся вместе с друзьями. Комната была небольшая, имела у одной стены два зеркала, напротив них стояли два кресла, с противоположной стороны стояли диванчик и два мягких кресла, у которых был расположен низкий столик, напротив же входа стоял одиноко шкаф, дверцы его были открыты, половину шкафа занимали полки, а во второй висела перекладина для вешалок, где и висели две деревянные вешалки. Что же, по-моему, для тех, кто еще ничего не добился, гримерка была шикарная.

— Ну что же, ребята, давайте располагайтесь, — при этом сам показал пример, усевшись на диванчик.

— Черт, Саш, все же я тебе завидую: ты так спокоен, — заговорил, вешая в шкаф три наших костюма, Виталик, но был прерван стуком дверь.

Не успели мы переглянуться, недоумевая, почему так быстро зовут на сцену - оказалось, это просто принесли мой костюм для песни Бель. Виталик принял его у девушки, после чего, повесив к трем другим в шкаф, сел напротив меня на стул.

— Ребята, — дождавшись когда и Олег сядет, я решил еще раз их приободрить, — все будет нормально, нас не раз слышали, и все были довольны нашим исполнением. Так что я уверен, что впереди нас ждет только успех. И еще, когда будете на сцене, не стойте столбом, двигайтесь, немного покачиваясь.

— Зачем это? — в недоумении спросил Олег.

— В движущуюся цель тяжелей попасть тухлым яйцом, — с серьезным лицом объяснил друзьям, но не смог долго его удерживать при взгляде на охреневшие лица друзей и заржал, как конь.

Друзья сначала сделали обиженные лица, но потом также заржали. Ну вот, вроде ребят немного отвлек.

— Ох, ну и гад же ты, Сашка, — отдышавшись после смеха, проговорил Виталик. — Это же надо так уметь приободрить перед выступлением.

Но во взглядах обоих я видел, что ребят отпустило, и мне они благодарны.

Раздался стук в дверь, она приоткрылась, и в нее заглянула девичья голова, которая предложила мне готовиться, предупреждая, что до начала моего выступления десять минут. Я поблагодарил и сразу стал переодеваться, первое мое выступление будет состоять не в пении, а аккомпанировании на рояле Мулерману. «Ну что же, Сашка, вперед к Олимпу» — подумал, делая первый шаг на сцену.

http://tl.rulate.ru/book/61146/1587022